

Мониторинг Международной организации труда (МОТ) показал, что практически все граждане Узбекистана, привлеченные к сбору хлопка в этом году, вышли на поля добровольно, а страна сделала титанические усилия в искоренении принудительного труда. Но выводы независимых правозащитников идут вразрез с этими данными.

English Ўзбекча

За последние десятилетия Узбекистан сократил объемы собираемого хлопка-сырца практически на четверть, доведя его производство до чуть более трех миллионов тонн в год. Сегодня страна занимает шестое место в мире по производству хлопкового волокна и четвертое - по его экспорту.

Власти неоднократно заявляли о намерении освободиться от хлопковой зависимости за счет увеличения мощностей по переработке хлопка-волокна, а также посева овощных, бобовых, кормовых культур, интенсивных садов и виноградников.

А в конце ноября глава страны Шавкат Мирзиёев заявил о намерении совсем отстранить государство от хлопка в течение ближайших трех лет и передать его в руки заинтересованных кластеров. По его мнению, это положит конец принуждению людей к уборке урожая со стороны местной власти.

Подмоченная репутация

Пока же сбор хлопка в Узбекистане проходит с использованием принудительного труда. При Каримове на поля выгоняли миллионы человек. Это были как дети, так и взрослые: учителя, медицинские работники, бюджетники.

Фото: theguardian.com

Доля детей стала снижаться лишь после давления международного сообщества на узбекское правительство. Однако это бремя переложили на взрослых. По различным оценкам, при Каримове количество людей на полях во время сбора урожая достигало пяти миллионов человек, а принудительный труд являлся государственной политикой. С приходом к власти Шавката Мирзиёева ситуация изменилась не намного. При этом большим достижением можно назвать уже то, что власти открыто признали наличие в стране принудительного труда и заявили о намерениях полностью искоренить его. В этом году впервые к сбору не привлекали студентов, а стоимость собранного вручную килограмма “белого золота” повысилась до 1000 сумов (\$0,12). В ряде регионов были предусмотрены надбавки. Именно финансовая составляющая впервые сподвигла массу людей выехать на поля по собственному желанию. Однако принимаемых мер оказалось недостаточно. Людей по-прежнему вывозят на поля в массовом порядке. Это говорит лишь о том, что намерения властей искоренить принудительный труд при сборе хлопка пока остаются лишь популистскими лозунгами, которые невозможно осуществить без широкомасштабной земельной реформы.

Фото: nuz.uz

Жалобы не прекратились

Тем не менее после активной информационной кампании, которую проводили Министерство занятости и трудовых отношений совместно с МОТ, увеличилось количество жалоб от населения на принуждение к сбору хлопка. На канал-доверия и горячую линию Минтруда поступило 1949 обращений. 557 дел получила и обработала Федерация профсоюзов. За нарушения были уволены, понижены в должности или оштрафованы 169 чиновников и руководителей местных администраций. Впервые в этом году было налажено сотрудничество в мониторинге с местными активистами. По мнению замминистра Минтруда **Нодирбека Якубова**, такое сотрудничество является полезным, так как позволяет эффективно решать проблему. «До этого сотрудничества у нас было всего 45 дел, касающихся принудительного труда. А в этом году больше. Это все последствия именно сотрудничества с правозащитниками, гражданскими активистами, непосредственно мониторинга СМИ и Интернета», – говорит чиновник.

“Изменение системы требует времени”

В деле искоренения принудительного труда международные эксперты отмечают прогресс. 21 ноября специалисты МОТ [заявили](#), что в ходе хлопковой кампании 2018 года 93% сборщиков участвовали в этом процессе добровольно. В прошлом году это количество составляло лишь 87%.

Наблюдатели не зафиксировали систематического привлечения к сбору хлопка студентов, учителей и медицинских работников. В отчете отмечается, что повышение стоимости килограмма хлопка стимулировало внутреннюю миграцию: закончив сбор в своем районе, многие самоорганизованные группы сборщиков ехали на сбор в другие районы и области.

При этом эксперты не отрицают, что случаи принуждения к сбору хлопка все еще наблюдаются. Однако по словам главного Технического советника проекта МОТ “Мониторинг третьей стороной” **Йонаса Аструпа**, в этом году было зафиксировано всего лишь несколько подобных случаев, и ситуация в целом не носит систематического характера.

«Изменение системы требует времени. Главное – есть политическая воля в стране. Но мы должны быть реалистами. Это непростая проблема, должно измениться мышление людей, требует модернизации и само сельское хозяйство», – сказал эксперт.

Правозащитники изменений не наблюдают

Тем временем узбекские правозащитники, участвовавшие в мониторинге хлопковой кампании 2018 года и сотрудничавшие в этом вопросе с Минтруда, оценивают ситуацию иначе.

В интервью журналистам известная правозащитница Елена Урлаева [рассказала](#), что их группа неоднократно становилась свидетелем массовых перемещений людей из одного региона в другой. По ее словам, власти поездами и автобусными колоннами перевозили хлопкоробов из одной области в другую. А настоящих добровольцев она видела лишь единожды. При этом правозащитница не отрицает что многие из хлопкоробов в этом году действительно хорошо заработали.

Фото: kommersant.uz

То, что практика принудительного труда в этом году как и в прошлые носила систематический и массовый характер, заметил и ассоциированный научный сотрудник Школы восточных и африканских исследований Университета Лондона **Алишер Ильхамов**. По его словам, представление ситуации в Узбекистане относительно принудительного труда, отраженное в докладе МОТ, вызывает глубокую озабоченность как правозащитников, так и экспертов и академиков.

«В хлопковом секторе до сих пор сохраняется строго централизованная, командно-административная система, так называемые квоты, спускаемые сверху и обязательные для выполнения фермерами и местными властями. Хокимы районов и областей до сих пор остаются персонально ответственными за выполнение плановых заданий по сдаче хлопка-сырца на заготовительные пункты. А эта система неизбежно сохраняет потребность в привлечении принудительного труда в массовом порядке.

«Исследование» МОТ совершенно игнорирует эту политическую экономию хлопкового сектора в Узбекистане», – говорит Ильхамов.

Читайте подробнее: [С бойкотом узбекского хлопка не покончено](#)

Причина разногласий

По мнению ряда экспертов, причин подобных разногласий в оценках хлопковой кампании в Узбекистане может быть несколько. Одной из них является методология проведения мониторинга. О ее тонкостях в интервью журналистам [рассказал](#) эксперт Cotton Campaign, когда-то сотрудничавший с МОТ, Андрей Мрост.

По его мнению, главный стратегический недочет мониторинга МОТ – это изменение фокуса мониторинга с государственной системы детского и принудительного труда на просто детский и принудительный труд.

«Наблюдатели МОТ, изначально заявив, что государство якобы хочет покончить с принудительным трудом и надо ему в этом помочь, стали накатывать тысячи километров по Узбекистану в поисках детей на полях, с тем, чтобы выяснить у них, запуганных властями, кто их послал собирать хлопок», – рассказывает эксперт.

Алишер Ильхамов. Фото: Facebook

МОТ строит свои выводы на данных своего опроса, проведенного нанятыми консультантами. По мнению Алишера Ильхамова, так называемые количественные исследования на политически-чувствительные темы в условиях авторитарного государства проводить проблематично.

«Даже если исследователь не подтасовывает данные и честно выполняет свою работу, результаты опроса не отражают реальность в силу социальной ожидаемости ответов на вопросы интервьюеров, которые касаются политики или отношения к государственной политике. А принудительный труд как раз является одной из таких политически-рискованных тем», – говорит он.

Так и получается, что мониторы от международных организаций, в присутствии чиновников, ежегодно по указанию свыше выгоняющих людей на поля, спрашивают этих самых людей добровольно ли они вышли собирать хлопок. Боясь лишиться работы, они предсказуемо отвечают, что они добровольцы.

Ильхамов считает, в условиях Узбекистана продуктивнее было бы пользоваться, так называемым качественным методом исследования: интерактивным по своему характеру углубленным интервью, фокус-группам, включенному наблюдению. Тогда и результат был бы другим.

Каждому свое

Эксперты не отрицают желания Секретариата МОТ наладить тесное сотрудничество с Узбекистаном. Не исключено, что эта стратегия на сближение может быть еще одной причиной таких расхожих оценок в мониторинге сбора хлопка.

«В обмен на предоставление возможности открыть там офис и установить отношения сотрудничества и диалога с правительством Узбекистана Секретариат МОТ видимо счел нужным пойти на уступки в оценке ситуации в стране», – говорит Ильхамов.

Доклад миссии МОТ в таком случае эксперт советует рассматривать в качестве дипломатической акции, нежели академически объективным и честным исследованием, которое соответствовало бы международным стандартам.

Действия международных организаций эксперт Андрей Мрост вообще называет сговором, где участвуют правительство Узбекистана, МОТ и Всемирный банк, который и является заказчиком отчета Мониторинга третьей стороной – проекта МОТ. В своем интервью он указывает на прямой конфликт интересов. Причина на его взгляд заключается в проектах, которые Всемирный банк ведет в Узбекистане. С признанием того, что Узбекистан использует детский и принудительный труд, с ними могли бы возникнуть проблемы.

Позитивные выводы МОТ выгодны и самому Узбекистану. Государство стремится выйти из международной изоляции и открыть для своего хлопка и текстиля мировые рынки. При этом, считает Алишер Ильхамов, страна не готова заплатить полную цену – реформировать свой аграрный сектор.

Одним словом, Узбекистан превратился в игровое поле, где только что закончился договорной матч, который не определил проигравших. Каждая команда получила свой приз и все действующие лица остались довольны результатом. Кроме, пожалуй, зрителей, ожидавших честной игры и честных достижений.

the Steppes Project», реализуемого при финансовой поддержке Министерства иностранных дел Норвегии. Мнения, озвученные в статье, не отражают позицию редакции или донора.

Если вы нашли ошибку, пожалуйста, выделите фрагмент текста и нажмите *Ctrl+Enter*.